

Клиническая биография

Психоаналитики призывают отдавать себе отчет. Я и отдаю. Повторяющееся ощущение: продираешь zenки, соображая, каким ветром тебя сюда занесло. Хотя на самом деле ты дома, и рядом мирно сопит, допустим, какая-нибудь теплая жена, то есть фактически и практически твоя, и относительно давняя, и которую обжигают жалко. С опаской адаптируешься, но недоумение остается. Знакомо вам такое? Может, сказывается опыт многоженства, включающий неоднократную "перемену мест". Или бурная экспедиционная биография. Или советская армейка: наш отдельный специализированный батальон шатался по российской глубинке, по текстильным городкам, как переезжая сваха. Или многолетнее кочевание по советским больничкам для бедных. Черт его знает. Факт тот, что утрачен вкус к свежести пейзажей и ландшафтов, не говоря уже о топографии жилья, заветрилось восприятие. И — некстати — в людей я перестал влюбляться. "Мой адрес — не дом и не улица..." Координаты неизвестны. В момент просыпания приходится себя пеленговать.

Некто ляпнул и попал: если мир ушел из-под ног, и вам больше не за что держаться, уцепитесь за женщину (о самих женщинах там, правда, ничего не говорится, то есть ежели что, так непонятно, за кого им и цепляться). Верно, покидать зону заплыва не рекомендуется. Подгребают злобные спасатели и, вяло поругиваясь, отрывают от буя. Кика — душераздирающе худосочная мерзлячка. Льяные, байковые ночные рубашки и шерстяные носки "в рубчик" предпочтительнее скабрзных пеньюаров. Однотонно вязкое верблюжье одеяло, короче, паровая банька. Прямо-таки младенец в испарине. Ножки к животику подтянет — привычная поза в материнской утробе. Сдобная Галка, та напротив, аппетитно сновала голяком, обмахиваясь, отдуваясь, воздушные ванны принимала. Еще и окно в стужу распахнет. Этой весь мир подавай. Тоня — демисезонная, серединка на половинку, зимой расслабленно впадала в спячку Кикой, летом задорно фонтанировала Галкой. И еще много-много предупреждающих буюв и оттенков. Хватайся и держись. Главное — доплыть и заключить в объятья. Ты можешь! А там видно будет.

Неважная получилась иллюстрация: просыпаешься в обнимку с буюм. Чушь какая-то, пошлятина. Пусть будет иначе. Привлекает внимание одинокий буюк. Зачем он талается, жалкий, в беспросветном ожидании потенциального утопающего? Дать ему реализоваться. Раз так, тону.

Взаимное тяготение — это лучше, точнее. Где утону, с кем проснусь в следующий раз, в следующей жизни, в следующем недоумении.

Это все прелюдия к коротенькому сюжету о том, как однажды проснулся, уцепившись за Кику. Был тогда помпезный свадебный кортеж со всеми причиндалами: ящерообразный лимузин, возложение цветов временно неизвестному от кратковременно известных, позирование с дорогими гримасами по всем парадно-мраморным лестницам и анфиладам, под елками-палками, поездка к чертовой матери в пригород и т. д. и прочее. А она — свидетельница, или, как принято говорить, подружка: шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству. Все идет согласно регламенту. В том числе весна наша приморская, промозглая. В воздушном платьице стремно, в особенности с мочеполовыми проблемами, именуемыми цистит. А стоеросовые молодожены все едут и едут безостановочно в гребаную даль, беспросветно светлую. Вот и высиди такое золотое яйцо. С минуты на минуту растечешься по президентскому салону весенним половодьем от заказанного и сполна оплаченного счастья. Не ногу, а всю судорогой свело, пусть себе думают: от зависти. Дал Бог, остановились, фотографироваться на фоне национальной природы типа ржаных полей с тучными стадами. И Кика зашагала по трассе, широко расставляя крепенькие судорожные ножки, по которым это самое сладко стекало в округлые туфли-лодочки. Вот и поплыл, и утонул, один только усек ее замешательство со всеми вытекающими последствиями. Никто ни хрена и не заметил, поскольку все собою оголтело занимались, а я — возьми и влюбись. Да-а, представьте себе, по этому самому проливному поводу. Пусть там Фрейд с Уилсоном и прочими психоаналитиками копаются в наших "контурах", программных и аппаратных обеспечениях сознания, и с пристрастием или даже беспристрастно комментируют. А все равно сие есть тайна велика. Спаслись на время, и ладно. Опять-таки судорожно уцепились друг за дружку. Тяжеловат я для хрупкого поплавка. Тону, озираюсь. Еще буюк в поле зрения, побольше, но тоже неприкаемый. Тут иначе было. Училка-первогодка. Маевка, повезла своих оборотов на лиман, и понесло ее в воду камыш декоративный резать для интерьера. А там, на заиленном мелководье, кладбище разбитых бутылок из-под народных гуляний. Напоролась на зазубренный скелет, заботливый физрук ее аккуратно так несет, будто невесту, а по бережку, по песочечку — кровавый след, как у Конан-Дойла. Беру этот след, рыскаю, вынюхиваю, исподтишка наблюдая колеблющиеся в ритме переноски крепкие лодыжки. Я эти трогательные части тела ухитрялся охватывать ладонью. У меня руки музыкальные, запросто

беру октаву плюс терцию. Это не Галя-медичка и не Тоня-музыкантша была, которых за давней мимолетностью пропускаю, а другая, сильно напоминавшая Кику. К музыке отношения не имела, да кто ж его и имеет из музыкальных критиков, сказано же о них: не баба. Из кухни доносилось, однако, негромкое надрывное пение, — склонившись над сковородкой, в соскальзывающих наушниках Училка подпевала Башлачеву, Янке и некоему со щемящим голосом итальянцу. Подкрадывался поближе и, не замеченный стряпухой, млея, подслушивал. "Что было, то и будет", — вытягивал итальянец. Нет, не так: "Ничего не изменялось и ничего не изменится". Когда-то немного изучал язык Лоренцо Медичи, потому и разобрал местами, — короче, туда вмонтировали всего-навсего перифраз из Экклезиаста, но по-итальянски звучит впечатляюще. Была такая неуклюжая шутка: она признавала только иностранные лекарства; те же, но в русском переводе, на нее не действовали. Плевать мне было на обширность ее эрудиции, когда самого безголово захлестывало, когда пропитывался ею до безмозглости костей. И вообще, хорошо быть Марусей, которая из-за тебя отравилась, но потом тобою же спасена до такой степени, что тебе самому пришлось удавиться, на худой конец утопиться. Но непредсказуемым образом, как сейчас помню, в мае месяце, меня спасла частная рыбопромышленница Софья, восторженно сообщившая о моей широкой известности в определенных кругах. Вероятно, имея в виду круги по воде. Промысел, а больше сбыт шли у Сони из рук вон плохо: норвежцы завалили рынок бессмертной селедкой, китайцы многофункциональными крабовыми палочками, турки навели порчу на бычков, а мифологическая кефаль встречается только в учебниках по экологии. Поэтому спасительница моя никак не могла реализовать заветную мечту о современной стиральной машине, ибо доходов от улова хватало только на моющие средства для ручной стирки. Наблюдая мечтательницу, согбенную в постирушке, впадал в черную, как наше море, меланхолию. Куда ж нам плыть, раздумывал, бывало. Да оно и понятно, куда: кланяясь шаечке с исподним, Сонька открывала мощные причальные тумбы, к которым так и тянуло пришвартоваться. Пусть за волноломами открывается вид на яркий гидрографический бакен — где ты, Кика, и, кстати, Мисюсь (?) — не доплыву. Продолжаю самоуничтожающе сладострастно тонуть в лохани.

Вот, собственно, и все. Сеанс психотерапии окончен: запеленговал себя. Камень в ногах придает устойчивость.